

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

УДК 81-2

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СИНТАКСЕМЫ ГЛАГОЛ + ИНФИНИТИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале древнерусских памятников письменности XI–XIV вв.)

© **Нина Викторовна НОВИКОВА**

Тамбовский Государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, e-mail: gubareva@tsu.tmb.ru

Рассмотрена история формирования аналитической формы будущего времени в русском языке. На материале памятников древнерусского языка различных жанров показан эволюционный путь системы средств выражения будущего времени русского языка в данный период языковой истории. Главной идеей является гипотеза о том, что, несмотря на очевидные сходные процессы, наблюдающиеся в родственных индоевропейских языках, каждый язык располагал своим арсеналом структур, которые могли получить дальнейшее развитие в сторону превращения синтаксемы в аналитическую форму, подтверждая тем самым вечную истину о многообразии способов отражения в языке естественной картины мира. Рассматривая функции финитного глагола и инфинитива в различных контекстах, проанализированы возможности превращения данных сочетаний в аналитическую форму будущего времени, приходя к выводу о том, что в истории языка было состояние, когда недифференцированное, диффузное выражение субъектно-объектных отношений могло стать основой как для грамматикализации синтаксем V + Inf, так и для окончательного отрыва субъекто- и объектохарактеризующих предикаций.

Ключевые слова: древнерусский язык; морфология; аналитическая форма будущего времени; праславянский и индоевропейский генезис.

История синтаксемы со структурой глагол + актант-инфинитив (V + Inf) заслуживает внимания, поскольку эволюция данной структуры раскрывает нам пути формирования аналитической формы будущего времени в русском языке.

В подобных структурах инфинитив в древнерусском языке мог обозначать следующее.

А. Действие субъекта, отнесенное в неопределенную перспективу и должное произойти после осуществления действия, обозначенного глаголом, а потому получающее, в сравнении с последним, значение послепрошедшего, т. е. близкое к будущему. Такой инфинитив получил название субъектного: «В тех случаях, когда инфинитив подчинен финитной форме, он может быть субъектным, если его субъект совпадает с субъектом финитной формы» [1]:

Тогда *обещася* Володимирь *поставити* церковь Василевь святое Преображение гос-

подне *ЛИ* (*летопись Ипатьевская*, ок. 1425 г.), 73; *Испроси* князь Дмитрии у Новагорода *поставити* собе город Копорью *Там же*, 186об.; И паки *приложи* к тому Олга *послати* къ Древяном, сице глаголюще имъ: се уже иду к вамъ *Там же*, 33об.

Будущее время, выражаемое данными структурами, гипотетично: здесь еще ощущается противопоставленность инфинитива претеритному глаголу, что получает подтверждение не только во временном разрыве их действий: *обещал* (прошедшее время) *поставитъ* (будущее время), но и в оппозиции их лексических значений: глаголы *мысли*, *речи*, *ощущения*, *восприятия* (V): глаголы *активного действия* (Inf).

Однако в более сложных структурах, где V и Inf становятся предикатами разных предложений, средством связи двух предложений может стать союзное слово со значением «как», «когда», «что», которое берет на себя функции конкретизатора совершения

действия в будущем, создавая иллюзию его объективации. К примеру:

Абие въставши Каинъ хотяше убити и *не умеаше, како убити*. *ЛII, 50об.*; в се же время разболеся Володимиръ очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и *не домыслише, что створити*. *ЛII, 62об.*; и ть оканьный воевода *целова* крестъ честный къ Мьстиславу и ко обоимъ княземъ, **како** их *не избити, нъ пустити* на искупъ. *ЛII, 145*; и съняшася на рубежи и *положиша* межи собою любовь. **яко** на зиму всемъ *сънятися*. любо на литвою. любо на чюдь *ЛII, 50об.*

Б. Действие объекта, адресованное в будущее. Такой инфинитив выражал ожидаемую, требуемую реакцию объекта в будущем на желание, повеление субъекта в ДО-будущем и получил название объектно-го: «Инфинитив может быть объектным, если его субъект совпадает с объектом финитной формы» [1]. К примеру:

Посла богъ благодать и даръ святого духа на князя Михаила: *вложи* ему въ сердце *ити* пред цесаря Батыя и *обличити* его прелесть *ЛII, 168об.*; Взяша розмирье князь великий Василю Дмитриевич с великимъ Новымградом про грамоту, что *записалъ* великий Новьградъ грамоту к митрополиту *не зватися* на Москву *Там же, 232*; И *вдасть* свободу князь Михаилъ смердомъ на 5 лет дани *не платити* *Там же, 151*; цесарь же не хотя его убити, *повеле* ему очи *слепити* стекломъ *Там же, 129об.*; и бе *заповедала* Ольга *не творити* трызны надъ собою *Там же, 38об.*; и бояре въ граде томъ, уведавши помышление цесарево, и паки утолиша его, *не даша* ему *напустити* Фрягъ *Там же, 127об.*; И насади богъ раи на вьстоце въ Едеме и введе человека, его же созда; и *заповеда* ему *ясти* от всякого древа, а от древа же единого *не ясти* *Там же, 49об.* «...завещал бог, чтобы человек ел от всякого дерева, но от одного не ел».

В этих структурах претеритный глагол и инфинитив соотносятся с различными субъектами действия, причем инфинитивный субъект выражен косвенным падежом.

Сравнение этих двух структур (А и Б) возвращает нас к мысли о том, что в истории языка было состояние, когда недифференцированное, диффузное выражение субъектно-объектных отношений могло стать основой как для грамматикализации синтаксем V +

Inf, так и для окончательного отрыва субъекто- и объектохарактеризующих предикаций. И вероятное подтверждение данной гипотезы действительно можно отыскать в памятниках древнерусской письменности.

Несмотря на то, что общее направление процесса зарождения аналитических конструкций кажется достаточно ясным, поскольку имеет определенные свойства универсалии: от синтаксической независимости → через притяжение → к сильному управлению и, наконец, → к грамматикализации [2–6], каждый язык располагал своим арсеналом структур, которые могли получить дальнейшее развитие в сторону превращения синтаксемы в аналитическую форму, подтверждая тем самым вечную истину о многообразии способов отражения в языке естественной картины мира.

Сознательно избегая пересказа известных интерпретаций, ограничимся данными древнерусских источников XI–XIV вв., полагая, что сам репрезентируемый материал способен пролить свет на некоторые пока что далекие от окончательного решения вопросы истории русского языка.

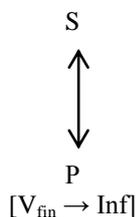
Древнерусские источники и, в частности, летописи демонстрируют различную роль как связочного глагола, так и инфинитива в составе синтаксемы:

Рече же имъ Ольга. азъ мстила оуже обиду мужа своего. когда придоша Киеву. второе и третье. когда творихъ трызну мужеву своему. а оуже *не хоцю мьщати*. но *хоцю* дань *имати* помалу *ЛЛ (летопись Лаврентьевская, 1377 г.), 16об.* («И сказала им Ольга: «Я уже мстила за обиду мужа своего, когда <вы, древляне> пришли к Киеву; во второй и третий раз – когда сотворила трызну мужу своему, а теперь *не хочу мстить*, но *хочу* дань *взять* небольшую»).

И рече Володимиръ. дивно имя дружино. оже лошади жалуете еоуже то ореть. а сего не промыслите. оже то *начнет* *орати* смердъ. и прихавъ Половчинъ оударить и стрелюю. а лошадь его поиметь *ЛЛ, 93об.* («Дивно мне, дружина, что лошадь жалуете, которая пашет, а о том не думаете, что, когда *начнет пахать* смерд, приедет половчин, ударит его стрелюю, а лошадь его отнимет»).

В этих цитациях предикат (Р), выраженный структурой V + Inf соотносится с одним субъектом в форме подлежащего (S). Свя-

зочный глагол (V_{fin}) здесь сохраняет свое лексическое значение, а инфинитив выполняет функцию обязательного дополнения при нем (схема 1):



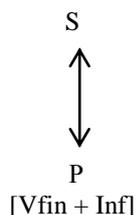
Примеры второго рода:

Володимеръ же обстоа градъ. изнемогаху въ граде людье. и рече Володимеръ къ гражданомъ. аще ся не вдасте. *имамъ стояти* за 3 лета. *ЛЛ, 37об.* («...если не сдадитесь, буду *стоять* за <городом> 3 года»);

...и ложася не грешите. ни одну же ночь аще можете поклонитися до земли. а ли вы *ся начнетъ не мочи* а трижды *ЛЛ, 80.* («И, ложася, не грешите ни одной ночи. Если можете, поклонитесь до земли, если же вам *за-неможется* – так трижды»);

Поставиль же есть Богъ единъ день. в неже *хочеть судити* пришедъ с небесе живымъ и мъртвымъ. *ЛЛ, 36.* («Установил бог один день, в который, придя с неба, *будет судить* живых и мертвых»).

Здесь связочный глагол утрачивает лексическое значение, становясь выразителем абстрактной семантики, а инфинитив – утрачивает способность выражать объект действия. Перед нами – потенциальная аналитическая форма будущего времени (схема 2):



Однако древнерусские переводные памятники сохранили также образцы необычного употребления инфинитива при связочном глаголе:

<Филон>. Такъ боуди къ своимъ рабомъ и слоугамъ, яко ты *хощеши* бога къ тебе *быти*. Яко бо мы послушаемъ тако и богъ послушаетъ насъ Пч. (*Пчела, XIV–XV вв.*) к. *XIV, 27об.* Дословно: «...хочешь бога к тебе быть» (≈ «Такъ будь <относись> к своим ра-

бам и слугам, как *хочешь*, чтобы бог к тебе *относился*»). Для сравнения в византийском оригинале: οίον εὐχή σοί τον θεόν γένεσθαι, т. е. дословно: «*Желание* твое бога *быть*».

<Плутарх>. Иже *хощеши* тайне своей не проявене *быти*, любо къ единому изорьци сърдечномуу другоу, любо такого друга не имей и не изорьци никомоу же *Там же, 27об.* Дословно: «Если *хочешь* тайне своей *непроявленной быти*...». В византийском оригинале: ὅπερ ἂν σιῶπασθαι βούλη μὴ δευ εἶπης. Дословно: «Если которое хочешь скрывать».

В последнем примере византийский источник показывает, что синтаксема «хочешь скрывать» соответствует обычной схеме (1). Однако русский переводчик выбирает необычную структуру, где инфинитив входит в орбиту объекта действия.

И будеть ти прочее по воли твоеи, им же аще *хощеши шествовати* путем, позвавши же божественая она душа *ЖВИ (житие Варлаама и Иоасафа, XIV–XV вв.), 188 г.*: ἦν ἂν ποθῆς ἵεναι οὐδὲν, т. е. дословно: «жаждешь быть дороге».

Здесь – напротив – объектный инфинитив византийского оригинала превращается в субъектный в переводе.

Благодати оуоставъ ни простъ есть; такъ боуди къ ближнимъ своимъ и чужимъ, акыхъ и ты *хощеши* инехъ *быти* къ себе Пч., *109.* (≈ «Такъ поступай с ближними и чужими, как хочешь, чтобы с тобой поступали»). В византийском оригинале: οἰοῦς σεαυτῷ τοῦς δε τυχάνειν θέλεις. Дословно: «...каких тебе самому получить хочешь».

Примеры из других памятников:

Аще кто от родства девство държить бога деля. или оумърло ему боудеть подроужие. ти *хочеть* тако *пребывати*. подобаеть такому человеку по коемоужьдо отъ всехъ зело чистоу жити и блюсти вельми *СбТр (Сборник Троице-Сергиевский, к. XIV в.), 57.* (≈ «Если кто-то сохраняет девственность от рождения для бога или умер у него спутник жизни и <этот человек> *захочет* так *жить* в будущем [то есть оставаться вне брака], подобает такому человеку жить от всех в чистоте и блюсти ее [чистоту] весьма»).

Избранию же игоуменю паче оубо отъ священныхъ *хочемъ съвършати УСт (Устав Студийский, XII в.) XII, 240.* Дословно: «Избранию игумена хотим совершать от свя-

шенных» (≈ «Хотим, чтобы избрание игумена совершалось по священным канонам»).

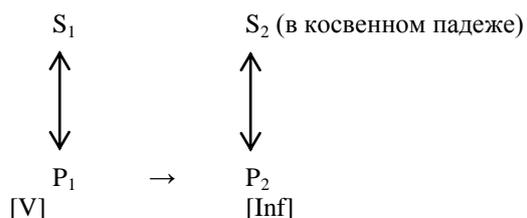
Аще кто отъ епископъ оглашень боудеть. аще ли къ всемоу подобноуоумоу събору срести *не хотети начьнетъ*... осудитъся *КЕ (Кормчая Ефремовская, XII в., 118б)*. Дословно: «Собору собраться не хотети начнет». В византийском оригинале: $\tau\eta$ $\epsilon\tau\eta\sigma\iota\alpha\nu$ $\sigma\acute{\upsilon}\nu\omicron\delta\omicron\nu$ $\alpha\lambda\alpha\nu\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\iota$ $\mu\eta$ $\beta\omicron\upsilon\lambda\eta\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$: «Ежегодное собрание (винительный падеж!) произойти не захочет».

(О воздержателях) аще и кто есть отъ нихъ примъ приходящаго къ църкви крыщати. аще оубо *хочеть быти* всемоу *сѣмотрению пакость Там же, 179б–180а*. «≈ Тот, кто примет сомневающегося <в истинности учения Христа> для крещения, хочет, чтобы священнодействие было осквернено». В византийском оригинале: $\epsilon\acute{\alpha}\nu$ $\mu\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\iota$ $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\iota$ $\tau\eta$ $\kappa\alpha\theta\acute{\omicron}\lambda\omicron\nu$ $\omicron\kappa\omicron\nu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$ $\epsilon\mu\lambda\omicron\sigma\iota\acute{\omicron}\nu$ $\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$. Дословно: «Если, конечно, намеревается вообще устройству препятствующее (Вин. п.) быть».

Аще же и по томъ и родители без воля ихъ бывшее съжитъство приимуть и *въсхотятъ* тому *пребывати* не раздрожимоу *КЕ 1282, 182г–183а*. Дословно: «...захотят тому <сожителъству> пребывать нераздрожимоу».

Мы же божию благодатию на краснейшее паче и на священейшее възращение. *хочемъ произыти* житийскимъ вѣщемъ *КР (Кормчая Рязанская, 1284 г.), 241*. Дословно: «Хотим произойти житейским поступкам...». (≈ «Хотим, чтобы житейские поступки стали явными ко второму пришествию»).

Византийские оригиналы древнерусских переводов выявляют здесь одну важную особенность: структура V + Inf в русском переводе заменяет собой греческую конструкцию, где обязательное дополнение при инфинитиве в форме дательного или винительного падежей является вторым смысловым субъектом (схема 3):



Показательно и то, что во всех приведенных примерах в древнерусском переводе

в качестве связочного употреблен только один глагол – *хотеть*.

Возникает вопрос: можно ли эти конструкции считать чистой калькой синтаксической фигуры греческого языка и чуждыми древнерусскому языку? Вряд ли, хотя бы потому, что они были характерны для индоевропейского синтаксиса, а значит могли быть унаследованы из праславянского и древнерусским языком: «Среди синтаксических аномалий и реликтовых структур в индоевропейских языках выделяются конструкции с необычным оформлением смыслового субъекта, а частично, и предудцируемого признака. Наиболее ясно очерченную и семантически единую группу образуют так называемые конструкции с дат. / вин. лица. Имеются в виду конструкции, обозначающие процессы и состояния, в отношении которых *смысловой субъект не мыслится выполняющим функции производителя предикативного признака*» [6, с. 208].

Кроме того, высокая культура перевода кирилло-мефодиевской школы, стремившейся максимально приблизить текст византийского оригинала к структурам славянского синтаксиса, оставляет за автором статьи право считать, что данные конструкции отвечали синтаксическому строю языка эпохи Древней Руси, когда структурированное, расчлененное суждение только начинало формироваться.

Все это позволяет предположить, что перед нами – древнейшая черта праславянского синтаксиса. На это указывают следующие факты:

- своеобразие данных конструкций на фоне типичных (схемы 1, 2);
- немногочисленность примеров, свидетельствующая об архаизации явления;
- семантическое родство инфинитивов в конструкциях: это либо стальные глаголы (*быти, пребывати*), либо глаголы, тяготеющие к стальным (*сретися* – «встретиться, собраться», чтобы находиться, пребывать; *произыти* – «произойти», чтобы быть, наличествовать);
- однородность семантики связочного глагола («хотеть», «восхотеть»);
- обязательное дополнение при инфинитиве в форме дательного или винительного падежей;
- эллиптическая форма высказывания.

Итак, при кажущемся тождестве синтаксемы V + Inf (схемы 1,2 и 3) мы имеем дело с различными синтаксическими явлениями. Потенциально аналитическими могли стать только те синтаксемы, где личный глагол и инфинитив, пройдя длительный путь эволюции от полной изоляции – через тяготение (притяжение), – получили возможность соотноситься с одним субъектом (схема 2). Параллельно существовавшие с ним синтаксемы древнерусского языка, где личный глагол и инфинитив при очевидном притяжении сохраняли самостоятельность, являясь предикатами различных субъектов (схема 3), получили дальнейшее развитие в совершенно ином направлении – в сторону гипотаксиса либо в сторону безличной конструкции.

Представленный материал является иллюстрацией процесса становления морфологической категории будущего времени в русском языке и активного поиска в древнерусский период языковых средств, способных отразить футуральную идею.

-
1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 2. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.

3. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883.
4. *Жирмунский В.М.* Введение в сравнительное изучение германских языков. Москва; Ленинград, 1964.
5. *Реферовская Е.А.* Истоки аналитизма романских языков. Очерки по синтаксису ранне-средневековой латыни. Москва; Ленинград, 1966.
6. *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

-
1. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* М., 1990.
 2. *Meye A.* Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeskikh yazykov. М., 1938.
 3. *Krushevskiy N.V.* Ocherk nauki o yazyke. Kazan', 1883.
 4. *Zhirmunskiy V.M.* Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie germanskikh yazykov. Moskva; Leningrad, 1964.
 5. *Referovskaya E.A.* Istoki analitizma romanskikh yazykov. Ocherki po sintaksisu rannesrednevekovoy latyni. Moskva; Leningrad, 1966.
 6. *Gukhman M.M.* Istoricheskaya tipologiya i problema diakhronicheskikh konstant. М., 1981.

Поступила в редакцию 20.10.2014 г.

UDC 81-2

FROM THE HISTORY OF SYNTAXEME VERB + INFINITIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE (based on Old Russian written monuments 11th – 14th centuries)

Nina Viktorovna NOVIKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, e-mail: gubareva@tsu.tmb.ru

The history of the formation of the analytical form of the future tense in the Russian language is considered. On the material of monuments of Old Russian language of various genres the evolutionary path of the means of expression of the future tense of the Russian language in a given period of linguistic history is shown. The main idea of the article is the hypothesis that, despite the obvious similar processes observed in the related Indo-European languages, each language has its own arsenal of structures that could be developed further in the direction of turning syntaxeme in analytical form, thus confirming the eternal truth of the variety of ways reflected in the language of the natural world picture. Considering the function of the finite verb and the infinitive in different contexts, the research scrutinizes the possibility of transforming data combinations in the analytical form of the future tense, coming to the conclusion that in the history of the language was the state when undifferentiated, diffuse expression of the subject-object relationship could be the basis for grammaticalization of syntaxemes V + Inf, and in order to detach and subject- and object characterizing predications.

Key words: Old Russian language; morphology; analytical form of future tense; Proto-Slavic and Indo-European genesis.